

Слова Чжэн Сянсюэ застали Кун Бина врасплох. Наблюдая за допросом через монитор, он тут же вызвал Чэнь Чжэна по рации, но тот, как выяснилось, уже предусмотрительно её отключил. Кун Бин выругался, но, всмотревшись в экран, заметил: Чэнь Чжэн уже всю обсуждал с Чжэн Сянсюэ отца погибшей. Его манера держаться совершенно не напоминала допрос — скорее дружескую болтовню двух мужиков в тени дерева. Лицо Кун Бина изменилось; о чем-то подумав, он разжал кулак, которым только что замахнулся на стол. Когда подчиненный спросил, нужно ли заставить Чэнь Чжэна включить связь, Кун Бин лишь качнул головой:

— Не надо.

Чэнь Чжэн убрал выключенный наушник в карман брюк:

— Цзэн Цюнь и правда кого-то убил? Почему я об этом не слышал?

— Потому что он умело заметал следы! И времени прошло столько, что мало кто помнит! — Чжэн Сянсюэ дважды хмыкнул. — Но я буду помнить вечно. Знаешь почему?

Чэнь Чжэн изобразил живой интерес:

— Почему?

— Потому что раньше мои дела шли лучше! А он украл чужой рецепт!

История «войны закусок» в изложении Чжэн Сянсюэ разительно отличалась от того, что рассказывали соседки. Двадцать с лишним лет назад Чжэн со своей женой торговали вразнос. В те времена жилого комплекса «Фэншу» еще не существовало — стояли лишь те несколько старых домов, которые позже в него включили, и в переулке не было фиксированных мест. Они работали от зари до зари, разъезжая на велосипедах по окрестностям.

Чжэн Сянсюэ был человеком самонадеянным. Он искренне считал свои закуски лучшими, а в молодости, снedaемый азартом, частенько покупал еду у конкурентов и тут же, прилюдно, разносил её в пух и прах. Это вызывало массу недовольства, его даже поколачивали за длинный язык.

Единственным человеком, чье мастерство он признал, была женщина по фамилии Чжу с улицы Мяопян. Попробовав её стряпню, он обомлел, осознав, что этот уровень ему недоступен.

В семье Чжу не было мужчин. Женщина тянула дочь в одиночку. Она не могла, как Чжэн, разъезжать на велосипеде, поэтому продавала закуски прямо из дома. Покупали у нее только свои, дневная выручка была небольшой — лишь бы хватало на жизнь матери и дочери.

Одно время Чжэн Сянсюэ загорелся идеей пойти к ней в ученики, но женщина вежливо отказала. Он не унывал: часто посылал жену купить порцию-другую, и они вдвоем, запершись, пытались разгадать секрет вкуса, чтобы улучшить свой рецепт.

— Мне и в голову не приходило красть её секрет, — Чжэн презрительно скривил губы. — В отличие от некоторых гнилых людишек, которые, отведав её еды, сразу задумали недоброе.

Когда Чэнь Чжэн расспрашивал жильцов о семье Цзэн, все разговоры крутились вокруг Сяо Янь. О Цзэн Цюне говорили кратко: рано умер, оставив дочь сиротой. Для полиции его образ оставался размытым: просто «отец трудолюбивой дочери».

Но рассказ Чжэн Сянсюэ начал проявлять истинные черты этого человека.

Жена Цзэн Цюня, по слухам, умерла при родах. У него не было постоянной работы; как и многие в те годы, он перебивался случайными заработками — то грузчиком, то торговцем. Видимо, заметив, сколько Чжэн Сянсюэ зашибает на закусках, он тоже решил попробовать. Но таланта не было, учиться он не желал, зато в голове роились кривые мысли: он верил, что если уберет Чжэна, то сам выбьется в люди.

Он ломал тележку Чжэна, подсылал шпану поиздеваться над его женой. Дело доходило до массовых драк, едва не закончившихся в участке. Но поскольку тогда все были бродячими торговцами и дрались не в самом переулке, сейчас об этом почти никто не помнил.

После той памятной драки Цзэн Цюнь, видимо, понял, что Чжэн — орешек крепкий, и перестал его донимать. Чжэн Сянсюэ вздохнул с облегчением и поначалу не обращал внимания на то, чем занят конкурент.

Благодаря поддержке трудолюбивой жены дела Чжэна шли в гору. Переулок с едой постепенно обретал масштаб. И тут Чжэн Сянсюэ заметил, что Цзэн Цюнь всё еще торгует, причем дела у него идут на удивление бойко!

Чжэн пробовал его стряпню раньше: она была либо пресной, либо невыносимо соленой. Да и сам Цзэн Цюнь был человеком неприятным — вспыльчивым и заносчивым. У такого торговца не могло быть постоянных клиентов.

Заинтригованный, Чжэн решил наведаться к палатке старого врага. Теперь у лотка было название: «Закуски Сяо Янь» — в честь дочери. Вокруг толпились покупатели. Цзэн Цюнь, весь сияя и источая дружелюбие, споро накладывал еду и принимал деньги. Увидев старого оппонента, он радушно улыбнулся:

— О, старина Чжэн! Тоже за закусками пришел?

Чжэн Сянсюэ стоял как громом пораженный. Он не понимал, с чего это вдруг враг так переменился. Помявшись, он выдал:

— Дай... дай порцию желудков.

Цзэн Цюнь мигом всё нарезал и даже округлил сумму в пользу покупателя:

— Сосед, нам теперь в одном месте торговать, давай жить дружно.

Как говорится, не бьют того, кто улыбается. Чжэн Сянсюэ шел искать ссоры, а в итоге почувствовал себя мелочным. Придя домой, они с женой попробовали покупку — и снова испытали шок.

Вкус был великолепен!

«Люди меняются, — подумал Чжэн. — Видимо, Цзэн Цюнь нашел учителя и решил взяться за ум».

Но чем больше он ел, тем сильнее становилось странное чувство. Вкус был хорош, но до боли знаком! Закуска женщины из семьи Чжу они с женой изучали столько раз, что их вкус буквально отпечатался на подкорке. Рецепт Цзэн Цюня не был идентичен один в один, но он был похож... чем больше ешь, тем больше сходства!

У Чжэна в голове загудело. Он так искренне просился в ученики, а женщина Чжу ему отказала

— и вдруг обучила Цзэн Цюня? Чем он хуже? Обида захлестнула его, и он спросил жену о судьбе той женщины.

Люди их поколения строго соблюдали дистанцию между полами, поэтому после отказа Чжэн сам на улицу Мяопян больше не ходил — за покупками всегда отправлялась жена.

Жена нахмурилась и сказала, что семья Чжу уже полгода как закрыла лавочку. Чжэн удивился. Жена знала немного: сказала лишь, что когда была там полгода назад, двери были заперты, а соседи говорили, что женщина забрала дочь и уехала. Куда — никто не знал.

У семьи Чжэн бизнес уже процветал, надобности в чужих рецептах не было, поэтому жена и не придала этому значения.

Чжэн Сянсюэ понимал: если бы он узнал об исчезновении женщины полгода назад, он бы не придал этому значения. Но теперь всё изменилось: её мастерство всплыло на лотке Цзэн Цюня! Почему?

Он не мог усидеть на месте. Схватив жену, он помчался на улицу Мяопян. Весь тот район состоял из одноэтажных домиков под снос. После отъезда семьи Чжу их дом заняли бродяги, но надпись на стене «Вкусняшки от Чжу» всё еще отчетливо виднелась.

Он расспрашивал каждого встречного: куда делась женщина, когда именно уехала? И среди множества людей нашелся один свидетель.

Пожилая бабушка жила в доме наискосок. Ей было жаль одинокую мать, и она часто заносила ей домашний суп. Женщина Чжу в благодарность угощала её закусками. Бабушка рассказала: год назад к Чжу стал заходить какой-то мужчина. Бабушка боялась, что женщину обидят, и даже заходила проверить. Мужчина внешне не вызывал доверия, но был очень речист, звал её «бабушкой», а хозяйка уверяла, что он просто постоянный клиент и зла не замышляет. Бабушка успокоилась.

Позже дети забрали старушку в большой город на пару месяцев. Ей там не понравилось, и она вернулась, но семья Чжу к тому времени уже съехала. Никто не мог сказать, куда они делись. Бабушку смутило то, что отъезд был внезапным: еще вчера она торговала, не сказав никому ни слова о закрытии, и вдруг — человек исчез.

Но, несмотря на недоумение, у людей своя жизнь. Посудачили и забыли. Никто не пошел её искать и не заявил в полицию. В конце концов, одинокая женщина — как трава на ветру: исчезла и исчезла. Выслушав это, Чжэн Сянсюэ почувствовал, как кровь прилила к голове. Он усадил бабушку на свой трехколесный велосипед и привез в переулок к лоткам:

— Посмотрите, это он заходил к Чжу?

Бабушка долго смотрела на Цзэн Цюня издали, а потом произнесла:

— Похож! Очень похож!

Мозг Чжэн Сянсюэ работал на бешеной скорости. Секрет семьи Чжу, который не выдавался чужакам; вкус их закусок на лотке Цзэн Цюня; внезапный взлет его бизнеса и загадочное исчезновение хозяйки... Всё указывало на один финал: Цзэн Цюнь ради рецепта расправился с матерью и дочерью!

Они не уехали. Они были убиты!

Чжэн Сянсюэ хотел броситься к Цзэн Цюню на разборки, но жена преградила путь. Со слезами на глазах она умоляла:

— Если ты ошибся, ты просто наживешь врага. Нам здесь торговать, зачем нам этот скандал? А если он правда убил — он же убийца! Разве мы с таким справимся? Ты забыл, как он тебя бил? Не думаешь о себе, подумай о мне и детях! Старина Чжэн, давай не будем совать нос в чужие дела, а?

Когда первая вспышка гнева прошла, Чжэн остыл и понял, что жена права. Цзэн Цюнь пугал его всё сильнее. Если он уже лишил жизни двоих, разве он остановится перед третьим?

С тех пор Чжэн Сянсюэ обходил Цзэн Цюня десятой дорогой. А тот, напротив, при встрече всегда радушно здоровался. Может, нарочно нацепил маску добряка, потому что руки были в крови.

Цзэн Цюнь так и не постиг истинную суть рецепта Чжу — было вкусно, но не божественно. За годы у обоих лотков сложился свой круг постоянных клиентов. Десять лет назад, когда Цзэн Цюнь умер от рака, Чжэн Сянсюэ решил подмять его бизнес под себя, но проиграл Сяо Янь. Эта часть истории совпадала с рассказом соседок.

Чэнь Чжэн опустил взгляд на протокол. Вопросов стало еще больше. Личности матери и дочери Чжу сейчас не подтвердить — те дома на Мяопян давно снесены. Но в догадках Чжэн Сянсюэ была логика. Если Цзэн Цюнь действительно убил их, не связана ли смерть Сяо Янь с событиями прошлого? Кто-то мстит за семью Чжу? Или кто-то из них выжил?

Чжэн Сянсюэ возмущался:

— Клянусь, я не убивал Сяо Янь! Да, я подсылал людей донимать её — думал, бабу легко запугать. Но посмотрите на меня: разве у меня хватит духу на убийство?

Чэнь Чжэн усмехнулся:

— А вы неплохо себя знаете.

Чжэн недовольно буркнул:

— Эта семейка вообще странная. Цзэн Цюнь вдруг изменился до неузнаваемости, и Сяо Янь тоже.

Чэнь Чжэн еще вчера заметил противоречия в образе погибшей. Услышав это, он тут же спросил:

— Разве Сяо Янь не всегда была приветливой и открытой?

— Тьфу! — выплюнул Чжэн. — Какое там «открытой»! Поспрашивайте получше — она же была настоящей малолетней преступницей!

«Янь-янь... она изменилась до неузнаваемости. Как только отец заболел, она вмиг повзрослела!» — пока Чэнь Чжэн узнавал о другой стороне семьи Цзэн от Чжэн Сянсюэ, оперативники из Бэйе собирали показания, которые тоже рисовали иной портрет погибшей.

Хотя жилой комплекс «Фэншу» был старым, из-за удобного расположения там всегда жило много людей. Те, кто прожил здесь больше десяти лет, смутно помнили: школьница Цзэн Янь

была полной противоположностью той женщине, которой она стала.

— У детей бывает переходный возраст. К тому же она росла без матери, вот и характер был тяжелый, — рассказывала одна женщина. Её дочь была ровесницей Сяо Янь, они вместе учились во второй школе. В средних классах Сяо Янь связалась с компанией хулиганов, забросила учебу, скатилась на двойки. В школе она задирала одноклассников, а с соседями даже не здоровалась — была тенью самой себя.

Женщина знала о её выходках в основном от дочери. На родительских собраниях она видела, как учителя отчитывали Цзэн Цюня. Но дочь свидетельницы Сяо Янь не трогала, поэтому особой неприязни к девочке у женщины не было.

В старших классах Сяо Янь, кажется, перестала обижать людей, но каждый раз появлялась на людях с вызывающим макияжем — по словам соседки, «совсем не похожа на ученицу».

Кто-то из словоохотливых жильцов пытался вразумить отца, мол, приструни дочь, а то пойдет по кривой дорожке. Цзэн Цюнь лишь отмахивался с улыбкой: мол, это её жизнь и её свобода. Советчики уходили несолоно хлебавши, и вскоре на девушку махнули рукой.

Перелом случился в выпускном классе. У Цзэн Цюня обнаружили рак мозга, и он быстро угас. Сяо Янь бросила школу, чтобы ухаживать за ним, практически жила в больнице. Лоток с едой закрылся, девушка устроилась на подработку в ту же больницу, чтобы оплачивать счета.

В Чжуцюане всё еще жива традиция устраивать поминки в шатрах прямо во дворах. После смерти отца Сяо Янь привезла тело домой, три дня сидела у гроба — без капли косметики, бледная, бесконечно одинокая. У стариков сердце разрывалось от жалости. Говорили: «Вот так дети и взрослеют в одну ночь, когда теряют самых близких».

Через полмесяца лоток «Сяо Янь» снова открылся. Девушка больше не красилась. Она стала такой, какой её узнал Чэнь Чжэн — энергичной, трудолюбивой, неутомимой.

Когда все показания сошлись воедино, атмосфера в совещательной комнате управления стала тяжелой. Перемену в Сяо Янь можно было списать на трагедию. Но метаморфоза Цзэн Цюня и вопрос о существовании семьи Чжу напрямую влияли на ход следствия.

Зацепку о семье Чжу вытянул Чэнь Чжэн. Кун Бин, сдерживая дыхание, спросил:

— Какова, по-твоему, вероятность мести?

Чэнь Чжэн откинулся на спинку стула. Поза была расслабленной, но тон — предельно серьезным:

— Согласно информации от Чжэн Сянсюэ, дочери из семьи Чжу сейчас было бы примерно столько же лет, сколько Сяо Янь, может, на пару лет больше. А поведение Сяо Янь «до» и «после» — это поведение двух разных людей. Сейчас ей двадцать восемь, перемена случилась десять лет назад. Неудивительно, что старый образ стерся из памяти людей.

Кун Бин замер:

— Ты на что намекаешь? Хочешь сказать, что нынешняя Сяо Янь на самом деле...

Чэнь Чжэн развел руками:

— Я лишь считаю, что такую перемену нельзя объяснить фразой «повзрослела в одну ночь». — Помолчав, он добавил: — И у Чжэн Сянсюэ есть еще одно, совсем дикое предположение.

— Какое?

— Он считает, что Цзэн Цюнь мог не просто убить мать и дочь Чжу, но и изнасиловать их. — Голос Чэнь Чжэна стал ледяным. — Дочери тогда не было и восемнадцати.

Кун Бин шумно выдохнул и сжал кулаки:

— Если это правда, то он был настоящим зверем!

— Есть новости по фото и ДНК? — спросил Чэнь Чжэн.

Кун Бин покачал головой:

— ДНК в базе нет. По фото ведем поиск, но сам понимаешь — это как иголку в стогу сена искать. — Закончив фразу, Кун Бин неловко отвел взгляд, словно это «сам понимаешь» было лишним.

Чэнь Чжэн сделал вид, что не заметил неловкости. Кун Бин быстро перешел к задачам: подтвердить личности Чжу, съездить в школу Сяо Янь, продолжить поиски женщины с фото...

Чэнь Чжэн потер переносицу. Внутренний голос шептал: «Этого мало».

Когда собрание уже подходило к концу, в комнату ворвался судмедэксперт, тяжело дыша:

— ДНК не совпадает!

Чэнь Чжэн инстинктивно вскочил:

— Чья ДНК?

Эксперт бросил отчет на стол, в его глазах читалось недоумение:

— Когда Сяо Янь было семнадцать, она участвовала в драке, и в участке у нее брали образец ДНК. Так вот, та ДНК и ДНК нашей погибшей — это два разных человека!

<http://bllate.org/book/17170/1607601>